

Пролог

Он все время плачет. Пусть я и не вижу слез, я замечаю, что в его глазах плещется печаль. Его слезы не видны миру, но в глубине души он рыдает.

Я хочу помочь ему, но он не подпускает меня к себе. Он плачет, оставаясь наедине с собой, запершись в комнате, которая должна была стать детской. Он спит, повернувшись ко мне спиной, и мне кажется, что в такие мгновения он словно стена, отделяющая меня от мира. Он говорит со мной, но его слова пусты, в его фразах больше нет особого смысла. Раньше, когда он говорил со мной, я чувствовала любовь в каждом его слове. Теперь же мы разговариваем лишь потому, что вынуждены это делать. Его слова стали тусклыми, в них не осталось смысла. Его горе столь велико, столь невероятно огромно, что он тонет в нем. Он плавает в этом штормовом море горя и не знает, где берег. Волны накрывают его одна за другой, и он не может выплыть на сушу. Каждый день его все больше затягивает в глубь, все дальше от поверхности. Все дальше от жизни. Все дальше от меня. Он цепляется за чувство утраты, как за спасательный круг, а все остальное не имеет больше значения. Я хочу взять его за руку, хочу, чтобы мы вместе добрались до берега. Чтобы он вновь стал собой. Хочу залечить его раны, помочь ему исцелиться.

Но он не желает принимать мою помощь. Он отстраняется от меня, предпочитая справляться с горем в одиночку. Понимаете, это меня он винит во всем. Он винит себя. И он винит меня.

Я тоже виню себя. А еще ее. Нову. Это ее вина. Это она натворила. Если бы не она, всего этого не случилось бы.

В первую очередь я виню себя. Больше всего мне хочется, чтобы он перестал плакать, чтобы ему не было так больно, чтобы его душу не разрывало на части от горя. Я не понимаю его утраты. Его и Нову. И сомневаюсь, что когда-либо пойму. Но я понимаю моего мужа. И знаю, что вскоре потеряю его. Случится то, что я пыталась предотвратить, делая то, что я сделала, говоря то, что я ска-

зала. Но на этот раз я потеряю его не из-за другой женщины и ее нерожденного ребенка, не потому, что он уйдет к ней и ее ребенку. Я потеряю его, потому что он потеряет себя.

Я уже вижу, чем все обернется. Он будет тонуть в своем горе, его затянет в самые глубины, и он уже не сможет подняться на поверхность. Его затянет в серые, мрачные глубины, и он никогда не сможет вновь вернуться к привычной жизни. Но все, что мне остается, — это стоять на берегу и смотреть.

Она развязала ему шнурки, стянула ботинки. Он смотрел, как она скатывает его носок. А потом пальчикам стало холодно. Как в ванной, когда ты уже залез в нее, а воду еще не включил. Холодно.

Только здесь много воды.

Это большая-пребольшая ванна.

— Это пляж, — сказала мама.

— Пляз!

— А это море.

— Мо-е!

— Давай-ка намочим ножки.

— Нозки?

— Да. Намочим ножки в море.

Она взяла его за руку, ее ладонь была теплой, как и всегда. Ручкам тепло, ножкам холодно... Они пошли к морю.

— Будет немного холодно.

— Хоедно!

И пальчики исчезли. Море накрыло их. Нет пальчиков, только море.

— Ух ты! — закричала мамочка. Ее ноги тоже накрыло волной.

— Ух! — закричал он.

— Ух! — закричали они хором. — Ух!

Лео в возрасте полутора лет

Часть 1